

или иному факту, можно практически полностью понять отношение к нему российского общественного мнения.

Литература

1. Геньяр А. Наука и литература в современной Англии / А. Геньяр // Вестник Европы. – 1876. – Кн. №7. – С. 200-237.
2. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 / Н.А. Ерофеев – М.: Наука, 1982. – 320 с.
3. Иностранное обозрение – Военные настроения в Англии: Речь лорда Сольсбери и Чамберлена // Вестник Европы. – 1898. – Кн. №12. – С. 778-787.
4. Иностранное обозрение – Гаагская конференция и трансваальская война – неудачи англичан в Южной Африке // Вестник Европы. – 1900. – Кн. №1. – С. 336-374.
5. Иностранное обозрение – Исключительные законы в Англии и их исключительный характер // Вестник Европы. – 1883. – Кн. №5. – С. 373-389.
6. Иностранное обозрение – Отношение Англии к державам материка – Внутренние дела во Франции и Англии – Индийская политика // Вестник Европы. – 1884. – Кн. №9. – С. 391-409.
7. Иностранное обозрение – Политические заботы Англии и юбилей королевы Виктории // Вестник Европы. – 1887. – Кн. №7. – С. 398-414.
8. Иностранное обозрение – Социальный вопрос в Англии – Британская нетерпимость // Вестник Европы. – 1883. – Кн. №6. – С. 851-868.
9. Иностранное обозрение – Социальная реформа в Англии // Вестник Европы. – 1884. – Кн. №5. – С. 379-396.
10. Корреспонденция из Лондона: Военные приготовления и боевые силы Англии // Вестник Европы. – 1878. – Кн. №5. – С. 372-388.
11. Корреспонденция из Лондона: Ирландские дела и экономическое положение Англии // Вестник Европы. – 1881. – Кн. №11. – С. 382-401.
12. Корреспонденция из Лондона: Новейшие передраги в «Британской колониальной империи» // Вестник Европы. – 1879. – Кн. №8. – С. 805-820.
13. Корреспонденция из Лондона: Турецкий вопрос и борьба кабинета с оппозицией // Вестник Европы. – 1876. – Кн. №12. – С. 907-921.
14. Хроника – иностранная политика – мир или война // Вестник Европы. – 1878. – Кн. №5. – С. 362-372.

В.И. Кейдан

РУССКИЕ В ИТАЛИИ: ИЗ ИСТОРИИ ЗАГОВОРА НАКАНУНЕ ВИЗИТА НИКОЛАЯ II В РИМ

В дооктябрьский период в оперативной работе европейских спецслужб особое внимание уделялось нелегальным встречам российских революционеров за рубежом, готовившимся заговорам (реальным или мнимым) и инакомыслию во всех слоях общества. Особое место среди источников по указанной теме занимают документы секретных досье, заведенных спецслужбами на русских эмигрантов и их итальянских друзей, хранящиеся в римском Центральном государственном архиве (*Archivio Centrale dello Stato* – ACS). Форматом, по которому были отобраны документы исследования, являются встречи и беседы русских итальянцев, которые проходили во время застолий в римских тратториях, ресторанах и на пирах в частных домах, зафиксированные чутким ухом агентов итальянской спецслужбы. Разумеется, источник (секретная агентура) и адресат (руководство служб безопасности) определили специфику этих текстов – недоверие государства к собственным гражданам и иностранцам в условиях ограниченной демократии, военного положения и угрозы терроризма до 1922 года. Под наблюдением находились не только политически ангажированные иностранцы и их итальянские друзья, но и большинство деятелей культуры российского происхождения, которые *a priori* подозревались в подрывной деятельности. Эти сведения позволяют восстановить некоторые моменты реальной картины

частной и публичной жизни русских эмигрантов в Италии в начале XX века, в частности – попытки революционеров сорвать визит русского императора Николая II в Италию. Эта поездка входила в планы русской дипломатии для получения гарантии *status quo* на Балканском полуострове вопреки планам Австро-Венгрии и Германии.

Первая из документально зафиксированных встреч группы российских и итальянских подданных произошла 7 октября 1906 года в ресторане гостиницы «Эсквиллин» на виа деи Поцци № (Garbatella). В центре ее – русский социалист Иван Тимковский, приехавший в Рим для организации здесь Русской секции Союза трудящихся (*Associazione del lavoro*), и член редакции газеты «Аванти» Паоло Старби, оба – участники съезда Римского Социалистического союза на улице Марморелле (*Casilina*). Аналогичные группы были организованы в Неаполе и Турине. Это первое объединение русских рабочих в Италии просуществовало недолго из-за нелегальности, нестабильности и политической пассивности контингента¹. В самой России революционное движение пошло на спад, и многие активисты радикальных партий вынуждены были эмигрировать.

В январе 1908 на улице Делле Дзюколетте «состоялось собрание представителей всего спектра русских революционеров (от эсеров до кадетов) с целью создания клуба для встреч революционеров всех мастей, под руководством неназванного лица» (и вероятного информатора полиции – ВК), которого, согласно донесению, «всегда можно найти в Траттории, а по вечерам в кафе «Кастеллино» на площади Венеции»². Это была только организационная подготовка. Резкое повышение террористической опасности со стороны российских эмигрантов наступило в 1909 году на фоне разоблачения провокаторской деятельности в руководстве боевой организации партии социалистов-революционеров Евно Азефа. В свою очередь, ощутимый удар по полицейской агентуре нанесли чиновники по особым поручениям Михаил Бакай (1907–1908 гг.) и Леонид Меньшиков (1909–1911 гг.). Выехав за границу, они опубликовали имена около 400 платных осведомителей Охранного отделения, чем причинили непоправимый ущерб всему политическому сыску на много лет вперед. На октябрь 1909 года был намечен официальный визит в Италию российской императорской семьи по приглашению итальянского монарха Виктора-Эммануила III. Российский министр иностранных дел А.П. Извольский получил анонимное письмо, содержавшее резкие угрозы в адрес Николая II, которое было передано руководству итальянской полиции через российского поверенного в Италии барона Михаила Корфа: «Я предупреждаю Вас, что Его Величеству угрожает неизбежная смерть. Заранее организованная группа заговорщиков решила убить Царя. Все участники поклялись совершить эту акцию, во что бы то ни стало. Даже если первое покушение не удастся, будет совершено второе, третье... Мы собрались в Риме в количестве 20 человек: 5 итальянцев, прекрасных стрелков из револьвера, того же типа, из которого был убит Король Умберто; 2 француза, 5 немцев, 5 испанцев, 2 австрийца и поляк. Все двадцать получили университетское образование, это хорошо воспитанные господа, одетые в модную дорогую одежду. Остальные заговорщики рассредоточены по основным австрийским и итальянским городам, находящимся по маршруту следования царской фамилии. Всего нас около сотни. Ни австрийская, ни итальянская полиция не в состоянии помешать нашему заговору. Следовательно, вам не удастся сохранить жизнь вашего Царя. Это обещаем вам мы, анархисты! Если Царь решит направиться в Италию, он будет убит. Наш заговор согла-

сован с Русскими революционными комитетами в Риме, Париже и Петербурге»³.

Это письмо, по-видимому, должно было изменить планы железнодорожного маршрута в пользу морского пути, чтобы создать условия для теракта с помощью подводной лодки. Планы покушения на Николая II в 1907-1911 годах, во время его европейских визитов с помощью микросубмарины и ее технические характеристики опубликованы российским исследователем К.Н. Морозовым в статье «Нет веры в револьверы». Реализация проекта оценивалась в 70 тыс. рублей, которые предполагалось добыть с помощью экспроприации, сорвавшейся из-за ареста осенью 1907 года руководителя всей операции.

Итальянские социалисты, внешне не поддерживавшие террористов, организовали мощную агитационную компанию в парламенте, прессе и в рядах профсоюзов. Был создан специальный «Комитет противодействия царскому визиту», с филиалами во многих городах Италии, устраивавший митинги, демонстрации и распространявший антицаристские листовки⁴. Тем не менее, Николай II прибыл в Италию морским путем через Анкону, оставив семью в России. Сухопутный маршрут до Рима был проделан императором и его свитой по железной дороге, вдоль которой каждые 50 метров стоял карабинер, а все промежуточные станции были оцеплены и закрыты для входа пассажиров. 22 октября король и царь прибыли в Рим. После краткого отдыха торжественная процессия, состоявшая из пяти закрытых автомобилей, которую возглавили оба монарха и мэр Рима Эрнесто Натан, направилась от Царской резиденции на проспекте Кастро Преторио, 68. Проехали по улице Национале до гостиницы «Ла Паче», затем свернули на улицу Пилота, площадь Треви, площадь Испании. Здесь к ним присоединился барон Михаил Корф, поверенный в делах России. Отсюда они двинулись по улице Кондотти, площади Колонна и площади Каприаника и достигли Пантеона около 3.30 пополудни. Здесь произошло возложение памятного венка на могилу Короля Умберто I⁵.

Программа пребывания царя в Риме во избежание беспорядков на этом закончилась, на следующий день после краткого банкета в узком кругу придворных монархи прибыли в Раккониджи, королевский замок под Туринном. Здесь их встретила демонстрация противников визита, одним из организаторов которой был 18-летний социалист Пьетро Ненни (1891-1980), будущий лидер партии, который в тот день был впервые арестован.

Несмотря на попытки сорвать переговоры, было заключено соглашение, которое нанесло решающий удар по Тройственному союзу и обеспечило выход Италии из этого блока. Это был секретный договор о совместном противодействии австрийской экспансии на Балканах. Италия обязалась «относиться благожелательно» к русским интересам в проливах, а Россия – к интересам Италии в Триполитании и Киренаике. Таким образом, Извольский, прежде чем уйти с поста министра иностранных дел, добился превращения его устной договоренности с итальянским министром иностранных дел Титтони в формальное соглашение. Здесь, в замке, в обстановке секретности был подписан договор между Италией и Россией о сохранении *status quo* на Балканах и о взаимном соблюдении территориальных интересов, положивший начало перехода Италии из Тройственного союза с Германией и Австро-Венгрией в Антанту.

Этот внешнеполитический разворот четвертый год наблюдал и регулярно комментировал римский корреспондент российской правой газеты «Новое время» Михаил Семёнов. В молодости он слыл левым, сторонником

марксизма, в 1897 году издавал журнал «Новое слово», в котором печатались Ленин, Плеханов и Горький. За публикацию рассказов последнего журнал к концу года был закрыт. В 1904 году он вместе с поэтами В. Брюсовым, Ю. Балтрушайтисом и предпринимателем и переводчиком Сергеем Поляковым стал одним из основателей символистского журнала «Весы». Начиная с 1900 года, большую часть жизни он проводит в Европе, выбрав судьбу вечного студента, скитается по университетам Германии и Швейцарии, изучает философию и историю искусств, но так и не получает никакого диплома⁶.

За восемь месяцев до визита русского императора было совершено преступление, как выяснилось, связанное с будущим приездом монарха. Загадочное убийство иностранца в феврале 1909 года в Риме несколько месяцев держало в напряжении итальянскую полицию, но так и осталось нераскрытым. 15 февраля 1909 года в пансион на улице Фраттина вошел неизвестный, записавшийся в журнале гостей под именем Владимир Тарасов. Он снял номер на четвертом этаже и заплатил задаток за неделю вперед. Вечером того же дня он вновь появился в сопровождении двух мужчин, которые принесли с собой длинный дорожный сундук. Все трое были уже навеселе, так как по дороге зашли в находившийся неподалеку винный погребок «Золотой грот», в чем Тарасов признался хозяйке (отметившей сильный иностранный акцент), и он же приказал горничной принести им в номер кувшин вина и стаканы. К полуночи двое из гостей, пошатываясь, спустились вниз и, сказав, что выйдут прогуляться, удалились. К утру гости не вернулись, но хозяйка, зная, что в номере остался третий гость с тяжелым сундуком и деньги внесены, не волновалась. Дверь в номер была закрыта. Прошла неделя, и жильцы из соседних комнат начали жаловаться на тяжелый запах на 4-м этаже. Вызвали полицейского, и он в присутствии хозяйки и слуг открыл дверь запасным ключом. Запах исходил от сундука, стоявшего у кровати. Полицейский поднял крышку и все с ужасом увидели втиснутый в узкий сундук скрюченный труп молодого мужчины, тронутый разложением.

В течение полутора месяцев труп был выставлен для публичного опознания в специальной морозильной камере под стеклом в морге Поликлиники Умберто I. Все итальянские газеты ежедневно публиковали новые догадки, подозрения и версии относительно жертвы и убийц, впоследствии опровергаемые. Лишь через полтора месяца труп был опознан по этикеткам на одежде и отпечаткам пальцев покойника. Это был первый случай использования дактилоскопии в следственной практике! Им оказался член Польской партии социалистов, Эдмунд Тарантович⁷, сбежавший из краковской тюрьмы, где ожидал исполнения смертного приговора за убийство нескольких полицейских во время ограбления банков. Ради сохранения жизни Тарантович под следствием выдал многих соучастников и организаторов налетов. Есть основания предполагать, что боевая организация устроила побег и направила его в Рим, чтобы дать ему шанс «искупить вину перед товарищами по партии» путем организации покушения на российского императора во время его визита. В случае, если Тарантович останется жив и сумеет скрыться после покушения, ему обещали с чужим паспортом переправить в Америку. Однако агенты Охранного отделения, внедренные в крути российских эмигрантов-эсеров в Италии, получили задание без лишнего шума устранить профессионального террориста. В день его прибытия во время ужина с друзьями в пансионе он был отравлен цианистым калием, добавленным в бокал вина. Так показала медицинская экспертиза.

Итальянская полиция, которая давно вела наблюдение за друзьями Гарантовича и знала об их работе в качестве двойных агентов, была предупреждена об этой операции и не дала довести следствие до конца, чтобы не раскрыть агентурную сеть в среде русских революционеров, о чем позже свидетельствовал миланский квестор А. Бонди⁸.

В мае в газете «Трибуна» было опубликовано факсимиле анонимного письма, автор которого на неправильном итальянском языке предлагал полиции вызвать для допроса по делу об убийстве двух русских, проживавших в Риме: графа Валентина Зубова, историка искусства и коллекционера, и дворянина Михаила Семёнова, журналиста. Зубов к тому времени покинул Италию и не был допрошен, а Семёнов явился на допрос, в ходе которого ему была предъявлена визитная карточка с его именем, найденная при тщательном обыске в номере жертвы.

Протокол допроса, как и все следственное дело об убийстве, через два года было закрыто и по закону впоследствии уничтожено, так как не было доведено до суда «за ненахождением виновников преступления». Во время допроса Семёнов (по его словам) неожиданно опознает по почерку автора анонимного доноса – это российский подданный Моисей Берлянд из Кишинева. В изданном через 30 лет (!) мемуарном очерке Семёнов так описывает их первую встречу и диалог: «Однажды осенним вечером 1909 года сидел я, как обычно, в третьем зале кафе “Араньо”⁹ и читал “Новое время”¹⁰, единственную поступавшую сюда русскую газету. Вдруг подходит к моему столу кудрявый рыжеватый блондин высокого роста, типично еврейской наружности.

– Я вижу, вы русский. Позвольте один вопрос. Я собираю деньги в фонды будущей русской революции и в помощь бедным русским революционерам, – говорит он, доставая подписной лист.

– Я противник революции в России и не симпатизирую русским революционерам, – ответил я¹¹.

– Я и не ожидал другого ответа от человека, читающего эту грязную газету, – парировал незнакомец и, бросив на меня ненавидящий взгляд, удалился¹².

Газета «Новое время» была по преимуществу газетой антисемитской. Я уже достаточно давно жил в Италии, занимался художественными исследованиями и поисками материалов для Института Истории искусств, который мы с моим другом графом Валентином Зубовым задумали открыть в Петербурге».

Как утверждает Семёнов в своем мемуарном очерке, по настоянию Римского квестора он возбудил в Римском трибунале иск против Берлянда о клевете и оскорблении своего достоинства. Через два месяца в еще не до конца отстроенном римском Дворце Правосудия состоялся суд, на котором на стороне Семёнова выступил известный адвокат Иньяцио Шимонелли¹³, а Берлянда защищал сенатор Сальваторе Барцилаи¹⁴. Были допрошены десятки свидетелей защиты, показания которых сводились к тому, что Берлянд просто безответственный болтун, которого надо простить, учитывая его молодость и страдания, выпавшие на его долю на родине (он был свидетелем страшного Кишиневского погрома 1903 г.). Суд, тем не менее, признал подсудимого виновным и приговорил его к четырехмесячному заключению (включая уже отбытое предварительное) и последующей высылке из страны.

Таков один из сюжетов, который дополняет историю подготовки визита русского императора в Вечный город и раскрывает ранее неизвестные факты из жизни русских эмигрантов в Италии.

Примечания

¹ ACS, PS, 1906. b.1 PREFETTURA DELLA PROVINCIA DI ROMA a DGPS. Oggetto: Emigrati russi, riservato. Roma, 1906. – 19 settembre.

² Roma, 16.01.1908. Prefetto di Roma a DGPS. ACS, DGPS, 1908, b.8, fasc.18.

³ ACS, DGPS, 1908, b.8, fasc.18. A.S.E. Roma. 1909.08.16. По данным Охранного отделения, чьи секретные сотрудники уловили ходившие в эмигрантских эсеровских кругах слухи, проект разрабатывался для организации цареубийства и оценивался в 80 тыс. рублей, из-за чего и был отклонен. О возможном авторе проекта известно лишь следующее. В ноябре 1910 года администрация одной из тюрем узнала от своего доносчика о рассказах одного из заключенных о готовившемся эсерами покушении на царя с помощью подводной лодки во время посещения им Италии. Допрошенный, некто Миколитч, показал, что, работая летом-осенью 1907 г. в Барановичской эсеровской организации, он узнал о плане покушения на яхту царя при помощи подводной лодки. По его словам, «весь план покушения был разработан на бумаге в виде вычислений и в виде чертежей», отношение к нему имели члены Барановичского комитета Викентий Мороз (у него хранились бумаги) и Елья Цейтлин. Реализация проекта оценивалась в 70 тыс. рублей, которые предполагалось добыть с помощью экспроприации, сорвавшейся из-за ареста осенью 1907 года руководителя всей операции. Возможно, это письмо должно было изменить планы железнодорожного маршрута в пользу морского пути, чтобы создать условия для теракта с помощью подводной лодки. Ср.: К.Н. Морозов, канд. ист. наук: Нет веры в револьверы: эсеровская террористическая техника и планы «авиационного» и «подводного» покушения БО ПСР на Николая II в 1907-1911 гг.

⁴ Archivio dello Stato di Roma. Questura. 123. Busta 371. Materiali del Comitato nazionale di protesta per la venuta dello Czar. 1909. – P. 108.

⁵ ACS, DGPS, 1909. Письмо барона М.Корфа квестору Рима. 22.08.1909.

⁶ См. о нем: Полное издание воспоминаний: М.Н. Семёнов. Вакх и сирены / Подготовка текста и коммент. В.И. Кейдана; вступ. ст.: В.И. Кейдана и Н.А. Богомолова. – М.; НЛО, 2008.

⁷ Эдмунд Тарантович (1884-1909), мелкий служащий Люблинского муниципалитета, член террористического крыла Партии польских социалистов, совершивший несколько убийств полицейских и государственных чиновников. Находясь под следствием, согласился сотрудничать с Охранным отделением и до отъезда на Запад разоблачивший нескольких боевиков ППС. Важные сведения о Тарантовиче содержатся в тюремном дневнике Ф. Дзержинского: «28 июня 1908. Рядом со мной (...) несколько дней сидел товарищ из Люблина. Ему сообщили, что его узнал провокатор Эдмунд Тарантович и что он обвиняет его в убийстве почтальона и пяти солдат. Виселица верная. Говорят, что этот провокатор выдал целую организацию ППС и настолько занят разоблачениями и показаниями, что следователям приходится ждать очереди, чтобы его допросить. (...) 25 августа 1908 слушалось дело 11 радомчан, обвинявшихся в принадлежности к ППС и в нападении на монополюшки 1. Две женщины оправданы, остальные девять человек, в том числе два предателя, Гаревич и Тарантович, приговорены к смерти. Приговор был смягчен. Одному предателю смертная казнь заменена шестимесячным (!) тюремным заключением, другому – ссылкой на поселение, остальным заключенным – каторжными работами от 10 до 20 лет. Этот Тарантович сидел некоторое время рядом со мной, называя себя Талевичем. Это он жаловался, что приходится умирать в таком молодом возрасте, и уверял, что, если бы ему было 40 лет, за ним было бы не 17 дел, как теперь, а гораздо больше...».

⁸ Bondi Augusto. Rivelazioni Postumi alle «Memorie di un Questore». – Milano, 1913.

⁹ Кафе «Араньо» (открыто в 1870 г.) на улице Корсо в Риме – любимое место встреч литераторов, журналистов, художников и политиков. В первой трети XX века сюда приходили маститые художники и молодые авангардисты. За простыми железными столами с мраморными столешницами в спорах зародился футуризм, здесь обсуждались идеи авангардистских журналов «Valori Plastici» и «La Ronda», сталкивались взгляды классицистов и экспрессионистов. Третий зал, находившийся в самой глубине кафе, называли «святое святых», здесь собирались постоянные посетители. Семёнов встречался здесь с художниками для оценки их картин и оказания посреднических услуг при продаже.

¹⁰ «Новое время», одна из крупнейших русских ежедневных газет, выходила в Петербурге с 1868 года до закрытия большевиками в ноябре 1917 года. Первоначально придерживалась либерального направления, с переходом издания к А.С. Суворину (1876) – консервативного. С 1905 года – орган черносотенцев.

¹¹ Ранее, по признанию самого Семёнова, он примыкал к ленинскому крылу РСДРП и участвовал в распространении нелегальной литературы. Изменение политической ориентации Семёнова произошло, по-видимому, несколькими годами раньше, что отмечено его коллегой по издательской деятельности, С.А. Соколовым, который в 1906 году писал: «...нередко иные органы под маской чистого Искусства скрывают «чистое» черносотенство. Этим последним теперь пахнет очень сильно в «Весах». С.А. Поляков недавно в заседании Литературной комиссии Литературно-Художественного кружка, возражая мне при обсуждении приглашаемых

лекторов, не постеснялся заявить, бия себя руками в грудь, что он желал бы пригласить Грингмута. Один из ближайших участников «Скорпиона» Семёнов (говорят, некогда радикал) открыто называет себя членом Союза активной борьбы с Революцией...». Цит. по: *Богомолов Н.А., К истории «Весов»: Переписка В.Я. Брюсова с Семёновым – «Свет мой канет в бездну. Я вам оставлю луч...»*: сб. публ., ст. и материалов, посвященных памяти В.В. Мусатова. – Новгород, 2005.

¹² Там же.

¹³ Шимонелли Иньяцио (Scimonelli Ignazio), (1875-1928), адвокат по уголовным делам. Оратор исключительной силы и таланта, знаменитый по всей Италии. Умер от разрыва сердца во время произнесения защитительной речи в Апелляционном суде во Флоренции.

¹⁴ Барцилаи Сальваторе (1860-1939), родился в Триесте в еврейской семье, адвокат, сенатор от Триеста с 1890 по 1919 годы.

Д. КОДАЙОВА

ОБРАЗ РОССИИ У С.Г. ВАЯНСКОГО И Т.Г. МАСАРИКА: МЕЖДУ РУСОФИЛЬСТВОМ И ЕВРОПЕИЗМОМ

С тех пор, как Петр I открыл окно в Европу, Россия прошла сложный путь самоидентификации. Составной частью этого процесса было складывание отношений между Россией и Европой. Этот процесс имел два альтернативных подхода: Россия в Европе или Россия вне Европы. Обе альтернативы включали вопрос отношения России к славянским народам. Последователи каждого подхода решали теоретические задачи для объяснения своей версии во взаимных дискуссиях. Апофеозом полемики, которая проходила в 1840-1850-е годы, стали споры западников и славянофилов, в которых прозвучали основные постулаты славянофильства. Согласно им, Россия по своему духу, культуре и православной истории – славянская держава, которой предстоит задача духовно возродить европейскую христианскую цивилизацию и одновременно стать духовным и политическим объединителем славянских народов.

Публикация славянофильских теоретических работ хронологически совпала с процессом национальных движений славянских народов, в которых важную роль сыграла идея славянской взаимности. Революция 1848-1849 годов не оправдала ожиданий, что будут решены национальные, политические и культурные требования народов, что усилило у их политически ангажированных лидеров прорусскую ориентацию. Эта позиция исходила из предположения, что народам, объединившимся вокруг России, удастся решить свои политические задачи. Процесс такого объединения, с политической точки зрения, оставался неясным и открытым. С другой стороны, открыто и прямо декларировалась необходимость культурного сближения и взаимного сотрудничества славян с Россией. Импульсом к усилению русофильской ориентации славян Габсбургской монархии стало участие России в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Целенаправленной кампанией русской и прорусской публицистики стало представление русской, а в действительности империалистической политики на Балканах за освобождение болгар. В славянском мире этот пример стал доказательством готовности России помочь и другим славянам.

Подобное понимание русофильства наиболее ярко проявилось у чехов, особенно в 1860-1870-е годы. Чешское русофильство пережило несколько фаз своего развития: от восхищения Россией, основанного на тех представлениях о России, которые соответствовали интересам собственной чешской политики, однако без глубокого познания России; через фазу познания русской культуры и актуальной политики. И, наконец, оно перешло в фазу,